

Протоиерей Всеволод Чаплин – священнослужитель РПЦ, член Общественной палаты РФ
Чаплин о патриотизме и Церкви специально для «НГР»
Россия и Русской церкви приходится сталкиваться с разным пониманием и
разной направленностью любви к отечеству

Чаплин про патриотизм і Церкву спеціально для «НГР»

Російській православній церкві доведеться дати відповідь на дуже складне історичне питання. У ній тепер безліч патріотизмів - російський, загальноросійський, український, білоруський, молдавський, гагаузький, казахстанський, японський, китайський ... Не випадково минулий 2-3 лютого Архієрейський собор, уточнивши чинну редакцію Статуту Російської церкви, визначив в якості її канонічної території 16 країн. Нікуди не дітися від нарастаючих самостійних патріотизмів народів колишньої Російської імперії і колишнього СРСР - народів, які нині будують незалежне буття. У тому числі від патріотизму українського, багато в чому нині - так уже склалося - протилежного російському. «Зняття питання», відхід від будь-якої розмови про суперечливість патріотизмів буде означати тільки одне: багатонаціональна Церква розпадеться - нехай не відразу, але протягом 10-20 років напевно.

http://www.ng.ru/ng_religii/2016-02-17/1_patriotism.html

Даже самурай может возлюбить небесное отечество больше земного. Кадр из фильма
«Иерей-сан»

Президент России Владимир Путин, встречаясь 3 февраля с.г. с активом Клуба лидеров, заявил: «У нас нет никакой и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма... Мы работаем на страну, понимая под этим не нечто аморфное, как еще в советское время было, такая «давленка» со стороны государства – сначала страна, а потом неизвестно кто. Страна – это люди, вот в этом смысле «на страну». И другой идеи мы не придумаем, и придумывать не надо, она есть».

Как водится, ультралиберальные круги начали эти слова критиковать. Однако, по сути, им стоило бы порадоваться: патриотизм президент описал весьма неопределенно, к тому же встроил его в идею заботы сначала о человеке, а затем о стране. Увы, эта прекрасная модель сегодня сталкивается с реалиями жизни не меньше, чем закончившаяся дружба Тимура с Амуром. Интересы страны и интересы отдельных личностей, к сожалению, могут не совпадать. Кому-то сегодня очень не хочется видеть российские самолеты в Сирии, как в 90-е годы не хотелось «морочиться» Северным Кавказом. Однако вызов терроризма требовал и требует силового ответа. И ради общего блага государству приходится иных людей к чему-то принуждать. Иногда – силой оружия. Альтернатива – бессилие перед внутренними и внешними опасностями, хаос и последующая диктатура, то есть повторение 1917 года.

К тому же одного «технического» патриотизма мало. Если приравнять его к экономическому успеху – он рассыплется в прах в момент кризиса. Если выводить его из суммы эгоизмов – он рухнет под давлением разделяющих факторов, из которых для России особенно опасны этнический и все в большей степени снова социальный. Для любого крупного сообщества людей необходим набор утверждений, не сводимых лишь к интересам личности, поколения, этнической или социальной группы и даже всего этого сообщества – в обозримом будущем.

Патриотизм не может не включать в себя некоторого набора идей и ценностей. Например, можно вспомнить предложенную в 2014 году патриархом Кириллом и поддержанную Всемирным русским народным собором «пятерку» – вера, справедливость, солидарность, достоинство, державность. «Идейно нейтральный» патриотизм, неожиданно даже для его архитекторов, может вдруг оказаться наполнен самыми тяжелыми настроениями – ксенофобией, враждой, агрессией. Уйти от крайностей – шовинизма и идеи «где хорошо, там и родина» – можно только на основе нравственных идеалов и крупной исторической миссии народа. Миссии настолько захватывающей, что перед ней померкнут обманки ситуативного социального протеста или убийственной и самоубийственной идеологии околосламского террора. Пока, к сожалению, и то, и другое «цепляет» молодежь больше, чем теплохладный российский патриотизм. Выход из этого чреватого застоном положения – в патриотическом действии, в настоящем русском/российском прорыве в XXII век. И без ясного формулирования ценностей – даже если они не всем понравятся – здесь не обойтись.

Ценности русской цивилизации сформированы христианством. При этом они помогли объединить народы, исповедующие ислам, иудаизм, буддизм, а также многих неверующих людей. Но, пожалуй, именно в христианском, православном наследии – наш ответ на неудобные вопросы, которые придется нынче давать при поиске правильного определения патриотизма. Прежде всего необходимо связать его с христианским универсализмом.

Дискуссии о патриотизме и универсализме шли в нашей православной среде еще в период самиздата и тамиздата, развернувшись в полную силу в 1990-е годы и отразившись в сбалансированных формулировках «Основ социальной концепции Русской православной церкви». Христианин не может предпочитать одного народа другому. Церковь Христа – Его тело – открыта для всех. Однако это не означает отсутствия естественной любви к своему народу, а тем более ненависти или презрения к нему – настроений, которыми бравируют некоторые «общехристиане-общечеловеки». И особенно сильным патриотизм христианина становится тогда, когда его народ отстаивает христианские ценности – или хотя бы созвучные им – перед лицом экспансии сил и идей, таким ценностям чуждых. Так было в 1940-е годы, так происходит и сейчас, когда утрированная, агрессивная, тоталитарная «светскость» навязывается по всему миру силой политического и экономического давления.

Впрочем, на этом фоне Русской православной церкви придется дать ответ на самый сложный исторический вопрос. В ней теперь множество патриотизмов – русский, общероссийский, украинский, белорусский, молдавский, гагаузский, казахстанский, японский, китайский... Не случайно прошедший 2–3 февраля Архиерейский собор, уточнив действующую редакцию Устава Русской церкви, определил в качестве ее канонической территории 16 стран. Отвернуться нельзя и от тех, кто считает для себя главной российской общегражданской идентичностью, и от тех, для кого важнее этническая русская. Именно поэтому приходилось и, думаю, придется возражать тем, кто надрывно требует отказа от второй в пользу первой, угрожая немедленным распадом страны.

Конечно же, никуда не деться и от нарастающих самостоятельных патриотизмов народов бывшей Российской империи и бывшего СССР – народов, ныне строящих независимое бытие. В том числе от патриотизма украинского, во многом нынче – так уж сложилось – противоположного российскому. Их разнонаправленность не проигнорируешь, не приглушишь обезболивающими «примирительными» фразами. Самое худшее в контексте этой проблемы – прятаться от ответственности, перелгать ее на будущие поколения, оставляя им в наследие бомбу с заведенным часовым механизмом. Не стоит ждать и некоего исторического «чуда», которое нас от такой ответственности избавит. «Снятие вопроса», уход от любого разговора о противоречащих друг другу патриотизмах будет означать только одно: многонациональная Церковь распадется – пусть не сразу, но в течение 10–20 лет наверняка. Конечно, это снизит остроту персональной ответственности, меньше испортит биографии и некрологи. Но найдутся и те, кто спросит: почему не делали вовремя то, что можно и нужно было сделать?

Так что же сделать можно и нужно сейчас? Во-первых, не прятаться от проблемы и не прятать ее от других. Да, в одной Церкви есть патриоты очень разных, противостоящих друг другу народов. И надо либо научиться достойно с этим жить – либо расходиться. Во-вторых, если мы все-таки хотим оставаться вместе и одновременно не предавать и не терять наиболее пассионарных людей, надо снять любые «заглушки» с патриотического самовыражения духовенства и мирян – что русских, что украинских, что иных. Молчание, выжженное информационное пространство – это не путь к единству, это путь к отчуждению и медленному разделению. Проявление же разных патриотизмов и разных политических позиций – это нормальное разномыслие в тех сферах, где истинное христианство предполагает свободу.

В-третьих, стоит варьировать местопребывание органов высшего церковного управления. Этот процесс наметился в 2009–2010 годах (патриарх подолгу бывал в Украине и проводил там Синод), но потом затих. Постоянное нахождение высшей иерархии в одной стране слишком связывает Церковь только с ее интересами. Возможно, стоит найти и нейтральную точку для рабочих заседаний и встреч – хотя бы некоторых. Да и название можно бы поменять на «Православная церковь Руси» во избежание некорректных ссылок на этноним «русский» (этот этноним в наименовании Церкви на самом деле не используется, используется ссылка на Русь, и не случайно патриарх именуется не «Русским» и не «Российским», а «всея Руси»). Понятно, что Русь при перемене названия не будет отождествляться с каким-либо из существующих государств.

Наконец, в-четвертых, – и это главное – стоит наполнить расходящиеся друг с другом патриотизмы христианскими ценностями, переложив их на язык конкретных общественных преобразований, на язык законопроектов, концепций, кадровых предложений государствам. Наверное, это больше с руки мирянам, нежели духовенству. Но делать это надо, превращая идею «нравственного государства» в новый социальный строй, превосходящий по своей убедительности и капитализм, и советскую модель социализма. Получится первыми у украинцев или белорусов – и слава Богу. Получится в России – тоже хорошо.

Можете считать меня наивным романтиком, но я полагаю, что христианское по духу государство не будет враждовать с другим таким же – если поставит вечные ценности выше «интересов» (даже в СССР высокие ценности перемололи национальную вражду). Да и с мусульманским по духу также не будет враждовать, если оба станут уважать веру и ценности друг друга и откажутся от взаимной агрессии. За XIX–XX века источником конфликта почти всегда были идеологии не религиозные – секулярные. И сегодня они утратили моральное право быть «арбитрами» между религиями и цивилизациями.